

Ю.В. Викторов

Портретные образы чувашских композиторов в изобразительном искусстве

Общеизвестно, что создание портретов-образов — искусство сложное, требующее от художников, помимо профессионального мастерства, способности проникать во внутренний мир модели. Наряду с передачей внешнего сходства с оригиналом, важнейшим критерием портретности является еще и отражение духовной сущности человека. В связи с этим следует признать, что особую сложность и ответственность мастера кисти и резца испытывают при создании портретов людей творческих профессий — писателей, поэтов, драматургов, композиторов, дирижеров, артистов, режиссеров и т.д. Ещё более усложняется задача, когда художники обращаются к образам собратьев по искусству.

В чувашском изобразительном искусстве есть немало произведений станковых и монументальных форм, в которых запечатлены яркие и талантливые личности, чьи имена навечно вписаны в сокровищницу национальной художественной культуры. В качестве бесспорного примера можно вспомнить живописные портреты, сюжетно-тематические картины, графические листы, скульптурные портреты и памятники, посвященные Константину Иванову и Михаилу Сеспелю. Достойное и глубокое отражение в изобразительном искусстве нашли образы народных поэтов Чувашии Петра Хузангая и Якова Ухсяя, народной артистки СССР Веры Кузьминой, заслуженного деятеля искусств России, народного художника Чувашии Моисея Спиридонова.

Возвращаясь к заявленной теме, необходимо отметить, что в создании галереи портретов композиторов приняли участие художники всех поколений. Среди авторов живописных

В.П. Воробьев.
Рисунок П.В. Сизова

портретов встречаются имена М.С. Спиридонова, Н.К. Сверчкова, В.М. Макарова, Р.Ф. Федорова, П.В. Павлова, Н.П. Карачарскова и А.Н. Алимасова. Выразительными средствами языка графического искусства воспользовались М.С. Спиридонов, П.Г. Григорьев-Савушкин, Н.В. Овчинников, П.В. Сизов и Э.М. Юрьев. Скульптурный раздел портретной галереи композиторов представлен творениями И.Ф. Кудрявцева, А.К. Брындина, Л.Я. Тихонова, В.П. Черепанова, П.С. Пупина и В.А. Зотикова. Одновременно

надо признать, что, по большому счету, композиторы Чувашии не всегда пользовались пристальным и подобающим вниманием со стороны художников. Так, первопроходцы чувашского профессионального изобразительного искусства М.С. Спиридонов и Н.К. Сверчков (правда, до 1934 года он жил за пределами Чувашской АССР) крайне редко обращались к созданию портретов своих современников — основоположников профессиональной чувашской музыки В.П. Воробьева (1887—1954), Ф.П. Павлова (1892—1931) и С.М. Максимова (1892—1951).

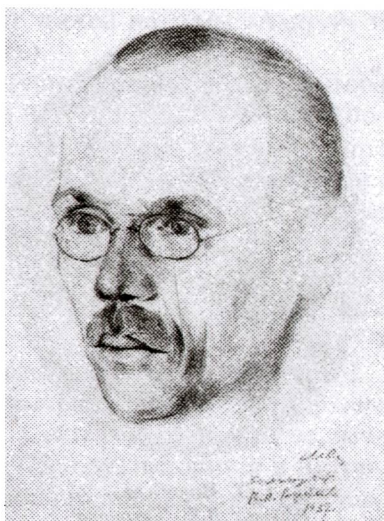
Неким приятным исключением стал композитор и хоровой дирижер Василий Воробьев, чей образ оказался в поле зрения М.С. Спиридонова. В Чувашском государственном художественном музее (ЧГХМ) имеются две портретные зарисовки художника, относящиеся к 1937 году, и живописный портрет, выполненный в 1950 году. В лаконичных рисунках карандашом заметно «приглядывание» мастера к портретируемому и его стремление уловить и запечатлеть своеобразие индивидуальных черт лица и характера композитора, чьи песни, глубочайшими корнями связанные с народной музыкой, были весьма популярны среди современников. Без особых композиционных изысков, но с хорошим колористическим «замесом»

и фактурной лепкой головы и костюма исполнен живописный портрет Василия Воробьева. Задумчивое лицо композитора, изображенное в три четверти на нейтральном фоне, передает образ человека спокойного и уравновешенного, словно отстраненного на время от внешнего мира и погруженного в свои думы и чаяния.

Известны также два небольших карандашных портрета В.П. Воробьева, в начале 1950-х годов нарисованные П.В. Сизовым (ЧГХМ). В его графической трактовке Василий Петрович выглядит более суровым и сосредоточенным, нежели в работах М.С. Спиридонова.

Из скульптурных произведений, посвященных Василию Воробьеву, выделяется по своим художественным достоинствам портрет-бюст композитора, созданный в 1947 году И.Ф. Кудрявцевым (гипс тонированный, ЧГХМ). Наравне с памятником-бюстом Константину Иванову в Чебоксарах его вполне можно отнести к лучшим творческим работам самоубытного ваятеля.

В барельефном портрете в три четверти (медь-выколотка), в 1970 году созданном В.П. Черепановым для Чебоксарской детской музыкальной школы им. С.М. Максимова, на первый взгляд, внешнее сходство с В.П. Воробьевым передано не совсем убедительно. Укрупненными воспринимаются черты лица, не «схвачена» характерная пластика губ. Да и отсутствие на лице круглых очков уводит от привычного образа, знакомого по фотографиям. Вглядываясь пристальнее в это скульптурное произведение, отмечаешь достаточно хорошее профессиональное мастерство автора, сумевшего в низком рельефе передать ощущение объема головы. В конечном счете, отбрасывая отмеченные недочеты, начинаешь видеть цельный образ конкретной творческой личности.

В.П. Воробьев.
Рисунок М.С. Спиридонова

Г.В. Воробьев.
Работа Л.Я. Тихонова

В интерьере концертного зала этой же школы находятся барельефные портреты (медь-выколотка) еще трех композиторов — Федора Павлова, Степана Максимова и Геннадия Воробьева. Портреты Ф.П. Павлова и Г.В. Воробьева выполнены Л.Я. Тихоновым, а портрет С.М. Максимова — А.К. Брындиным.

Портрет Ф.П. Павлова, в отличие от трех других, исполнен почти в фас. Чуть повернутая вправо голова, в сочетании с фрагментами «статичной» одежды, придает обра-

разу композитора взволнованность и динамичность. В нем проступают широта творческих интересов и многогранный талант Федора Павловича, проявившего себя, по характеристике музыковеда Ю.А. Илюхина, «как отличный хоровой дирижер и большой мастер песенно-хоровой музыки». В чувашской национальной культуре он известен еще как литературный деятель и художественный критик.

В фондах ЧГХМ хранится акварельный эскиз поясного портрета молодого Ф.П. Павлова со скрипкой и смычком в руках, разработанный Н.К. Сверчковым (1958). Музыкант представлен в нем в длинной подпоясанной белой рубашке, украшенной чувашским орнаментом. Его пристальный и внимательный взгляд направлен на зрителя. Художник не случайно показал своего героя на фоне национального пейзажа. В этом приеме просматривается желание автора выразить истинную связь творческого вдохновения композитора с родной Чувашией, народными песнями и подчеркнуть значимость музыкального фольклора в его сочинениях. Упомянутый эскиз портрета композитора выполнен в тот период, когда в Чебоксарах был задуман большой цикл монументальных работ по оформлению нового концертного зала Чувашской государственной филармонии. Известно, что совместно с П.Г. Григорьевым-Савушкиным Н.К. Сверчков выполнил рос-

писи в фойе второго и третьего этажей на темы «Акатуй» и «Могучая кучка» (не сохранились).

Очень выразителен полуфигурный портрет композитора (бумага, акварель, белила) кисти В. М. Макарова (ЧГХМ). Федор Павлов представлен в нем в момент вдохновенной игры на скрипке. Сочная живопись, колыхание легкой оконной занавески, артистичное движение фигуры скрипача — все это словно наполняет композицию мелодичной музыкой.

Для полноты обзора по исследуемой теме попутно можно сказать, что художником Василием Макаровым созданы также живописные портреты композиторов Григория Лискова (1939) и Филиппа Лукина (1953), находящиеся в собрании ЧГХМ.

Образ Федора Павлова встречается в символической картине Н. П. Карачарскова «Напутствие. Сейте разумное, доброе, вечное». Эта работа, созданная в 1975 году, находится в Янгорчинской картинной галерее Вурнарского района. В ней представлен выдающийся просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев вместе со своими питомцами — воспитанниками Симбирской чувашской учительской школы. Причем все двенадцать — реальные личности, и они узнаваемы. Не вдаваясь в искусствоведческий анализ полотна, отмечу лишь, что обращение педагога-наставника с напутствием к своим ученикам, последователям его обширной учебно-образовательной и культурно-просветительской программной деятельности, происходит в предвечерний час на лоне природы — на фоне чувашского пейзажа, у родника. С левой стороны в картину введена фигура Ф. Павлова — он восседает в удобной позе, не лишенной артистизма. Как и в эскизном портрете Н. К. Сверчкова, на нем белая рубашка, а в руках скрипка и смычок.

Необычное живописное посвящение композитору создал Г. И. Исаев, в 1983 году написавший натюрморт «Памяти Ф. П. Павлова» (ЧГХМ). А в следующем, 1984 году к образу Федора Павлова обратился В. П. Петров (Праски Витти). В том году он выполнил серию монументально-декоративных живописных полотен, в которую, наряду с портретами выдающихся просветителей И. Я. Яковлева и И. Н. Ульянова, поэтов К. В. Иванова, М. К. Сеспеля и художника А. И. Миттова, вошел и портрет композитора Ф. П. Павлова (все произведения находятся в ЧГХМ). Полотно, посвященное Ф. Павлову, представляет собой гармоничный сплав портрета молодого компо-

Ф.П. Павлов.
Работа Э.М. Юрьева

зителя в сценическом костюме со скрипкой в руках (правда, Федор Павлов узнается с трудом) в сочетании с изобразительными акцентами различных сюжетов из повседневной жизни и быта селян. Особое внимание автор уделил сцене, где молодежь, одетая в старинные народные костюмы, под небосводом готовится к проведению хора. Тем самым художник образно выразил мысль о генетической связи музыки композитора с древней культурой родного народа.

В год празднования 100-летнего юбилея Федора Павлова (1992) большой объем оригинальных промграфических работ (пригласительный билет,

буклет, плакат с профильным портретом композитора, календарь, программа концерта) выполнил Э.М. Юрьев.

Далее обратимся к иконо-графии композитора, фольклориста и педагога С.М. Максимова. Она не очень богата по количеству, впрочем как и у В.П. Воробьева и Ф.П. Павлова, но представлена выразительными произведениями в разных видах искусства.

Редчайший случай! Иконография одного из зачинателей чувашского профессионального музыкального искусства начинается с беглых карандашных зарисовок Моисея Спиридонова, выполненных в Яншихово-Норваших. Обучаясь в частной школе К.Н. Баратынской, а затем в Казанской художественной школе (1906—1912), в летние месяцы он приезжал на родину и, естественно, много рисовал и писал. В фондах ЧГХМ хранятся фотографии двух сделанных на пленэре рисунков, с легкой руки сотрудников музея получивших одинаковое название — «Будущий композитор Степан Максимов. Яншихово-Норваши». Возраст мальчика-натурщика невелик. На первом рисунке, где он изображен в шляпе, ему не более 13 лет.